

Т.Б. Тагарова

Иркутский государственный университет

**Фразеологические единицы как художественное средство
в языке бурятской прозы**

Аннотация: В статье исследуются фразеологические единицы бурятского языка. В центре внимания – приемы использования ФЕ в бурятских художественных текстах, которые содействуют усилению выразительности текста.

Ключевые слова: фразеологизм, фразеологические единицы, художественные средства, бурятская проза, выразительные средства языка, специальные стилистические приемы, экспрессия, ингерентная и адгерентная выразительность.

Актуальность данной тематики связана с малой изученностью функционирования фразеологических единиц в бурятской речи. Между тем, бурятский язык (как и все монгольские языки) отличается богатством и разнообразием выразительных языковых средств, в том числе фразеологического фонда. В условиях мировой тенденции к глобализации, унификации особенно возрастает роль национальной самоидентификации, главным элементом которой является язык как составная часть культуры. А именно фразеологический фонд сохраняет в себе память о культуре, менталитете народа в большей мере. Также нельзя умалить значение фразеологии в овладении культурой речи.

Центральными категориями стилистики являются выразительные средства языка и специальные стилистические приемы, формирующие эстетическую функцию речи.

Что касается стилистики фразеологических единиц, то здесь главными понятиями следует признать выразительность фразеологических единиц (ФЕ), закономерности их функционирования в тексте и стилистические приемы обновления их семантики и структуры.

В данной статье мы ставим целью показать приемы использования ФЕ в бурятских художественных текстах, которые содействуют усилению выразительности текста.

В функционировании ФЕ в художественной прозе наблюдается как узуальное употребление, так и с изменением (обработкой, трансформацией) семантики и структуры (оказиональное употребление). Первый тип функционирования фразеологизмов реализует абсолютные выразительные свойства ФЕ, а второй тип – их потенциальные выразительные качества.

В анализе абсолютных выразительных качеств ФЕ следует различать языковую стилистическую действенность, воспринимаемую нами как проявление экспрессивно-эмоционального потенциала, присущего данному языковому средству. Речевая же стилистическая действенность придается языковому средству в процессе употребления и направлена на создание большей впечатляемости, яркости, глубины восприятия.

1. Функционирование ФЕ без структурно-семантического изменения

Лексическую и фразеологическую выразительность (экспрессию), свойственную словарной единице в системе языка (вне контекста), следовательно, соответствующую языковой стилистической действительности, исследователи называют ингерентной, в отличие от адгерентной выразительности, возникающей в речи (в контексте).

С точки зрения выполняемых ими нормативных стилистических функций можно выделить два типа ФЕ: 1) экспрессивно-безоценочные (*гаара харбайха* протянуть руку помощи; *газар шоройдохо* начинать учиться ходить; *мэнэ һая* только что и др.) и 2) экспрессивно-оценочные (*газарай бог* никчемный человек; бран. *зольбо нохой* бродячий пес; *малгайтай мал* ≈ глуп как сивый мерин; *мана татуулха* туману напустить, *алтан гар* золотые руки). Оценки, выражаемые эмотивными ФЕ, могут быть как положительными, так и отрицательными. Оценочность может быть усилена разнообразными приемами.

1.1. Реализация ингерентной выразительности фразеологических единиц

Вводя в текст ФЕ без изменения их семантики и структуры, авторы используют их ингерентные, общезыковые, парадигматические, абсолютные выразительные качества. Нужно подчеркнуть, что при этом ФЕ не вступают в особые, стилистически значимые связи с компонентами контекста. Конечно, в этих случаях ФЕ не могут полностью изолироваться от своего контекстного окружения по относительной стабильности ФЕ, которая, выступая в соответствующей функции, конкретизируется, поскольку в речи всегда осуществляется взаимоограничение понятий. Полное раскрытие эмоционального значения достигается именно в речевом выражении, функционировании: Юун болоод, яагаад *долоон заяанай энээрүү* харагдахаяа болишообши? Х. Намсараев. Харанхы. – Почему целую вечность тебя не видно? и т.д.

При исследовании функционально-стилистических коннотаций бурятской фразеологии выделяется:

1) изобразительно-оценочная функция (двойное название этой функции объясняется тем, что оценка вытекает из фразеологического образа):

В авторской речи: Тиихэдэ *хэбтэһэн хони бодхоожо шадахагүй* даруу номгон зантай... Ш-Н.Р. Цыденжапов. Тэһэрэлгэ. В характеристике спокойного безобидного человека присутствует образ овцы. Это тот, кто не поднимет даже овцу. Или Элбэг Эрхевич баһа миил харсайжа хэбтэһэн *һамарай хоохон сонсогой* бэшэ даа. В. Сыренов. Эрхүү голой эхиндэ – Это не валяющаяся просто пустая скорлупа от ореха... Здесь выражается положительная оценочность.

...ама халамгай Яабагшан орожо, *хэлэ амаа хэдүүргэдэхэ* һанаатай ялтагашаба. М. Осодоев. Заха холын хаямхада – ...зашел поточить лясы.

«...үзэһэн дуулаһанаа тогтоожо шададаггүй, заабалзуур *задагай аматай*...». Х. Намсараев. Үүрэй толон. – ... рот у нее распахнут постоянно для болтовни, она не может ничего удержать про себя, если что увидит, узнает. В этих двух примерах наблюдается отрицательная оценочность.

Изобразительно-оценочная функция ФЕ в языке персонажей дополняется функцией речевой их характеристики, а в некоторых случаях «и речевого само-разоблачения».

Речевая сатирическая характеристика героя выражается часто в противоречии между незначительностью персонажа и претензией на значительность, внушительность его речи:

– Банкедэй уряал гээшэл... Штадтаа сонсохол бэшэдэг өөһэдын поэдтэйбди... Заата заагүй уригдаха ёһотой хоёр зуун хүнэй нэрэнүүдые һам-

гамни *гараа табижа* баталаа... Ч. Цыдендамбаев. Холо ойрын түрэлнүүд. – Это ведь приглашение на банкет... У нас имеется в штате собственный поэт, пишущий объявления... Моя супруга утвердила своей подписью список имен двухсот человек, которых обязательно нужно пригласить...

Не менее часто авторы создают речевую характеристику персонажа, вкладывая в его уста грубо-фамильярные слова и ФЕ, свидетельствующие о его низкой речевой культуре, например:

Силыһэн хара үлэгшэн даһаа мээл... үһэ зүһыень хуура зулгаажархихайб... Б. Мунгонов. Харьялан урдаа Хёлгомнай. – Ах ты, с водянистыми глазами черная сука... волосы бы ее повырывала бы... и т.д. Так эта функция ФЕ удовлетворяет потребность выразить чувства автора, его отношение к лицам, фактам, явлениям и вызвать ответные эмоции и оценки со стороны читателя.

2) Изобразительно-живописующая функция ФЕ позволяет автору передать свои чувства наглядно, в форме образных представлений как в авторской речи, так и в речи персонажей:

Зай даа, аяар Агаһаа ерэхэн хэрэгни эсэс дээрээ *мүйлын хөөһэн шэнгээр тээршибэ*. Д. Батожабай. Шалхуу Рабданай хөөрөөн. – Ну вот, в конце концов мое дело, с которым я приехал из далекой Аги, лопнуло как мыльный пузырь.

Мүн ходо уур сухал урьяжа, улха матаар *шэнги улхайшоод* ябадаг хатуу харьяд зантай дээрэхээ хэрүүлшэ хэдэр сэдхэлдээ дарагда дарагдаһаар, *арһа яһандаа няалдаһан хатайр туранхай* бээтэй... Б. Мунгонов. Хараалша Хархандай, Хатуужаһан Жолбоон. – ...горластые, вечно злящиеся, надутые (как наплыв на дереве или чаша), подавленные собственным тяжелым нравом, склочной душой, ставшие тощими, кожа да кости и т.д.

Һүүлгүй шоно баригдабашы? Шил колхозойнгоо хонидые эдидэг байгаа ёһотойш. Ш-Н.Р. Цыденжапов. *Һүүлгүй шоно*. – Бесхвостый волк, попался? Только ты колхозных овец поедал и т.д.

Нельзя не отметить выразительность крылатых выражений, используемых писателями 1) в качестве открытых цитат, когда они не сливаются с текстом, оставаясь прямыми цитатами. При этом автор делает ссылку на источник выражения или специальную оговорку. Отмечается их очень невысокая частотность в бурятских художественных произведениях. Например, дается и оригинал и перевод одновременно:

Хүниие алаһан хүн, Моисейн хуулиин ёһоор: «*око за око, зуб за зуб*» гү, али «*нюдэнэйн түлөө нюдыень, шүдэнэйн түлөө шүдыень*» гээд, үнөөхи талмай дээрэ асаржа, толгойн сааза хэдэг һэн ха. Д. Батожабай. Төөригдэһэн хуби заяан.

2) В случае скрытого цитирования они сливаются с текстом как семантически, так и грамматически, вступая в синтаксические связи с контекстным окружением: Эгээл энэ үедэ шэнэ гэрынь һамганайнь абаһан урьһаламжаар баригдажа, ажалта үдэрөөрнь түлэгдэһэн, Мүнсэлмаада хабаатай байһаниие мэдэһэн байгаа. Сада *эбдэрхэй тэбиэ тэбэрээд үлэхэ* хэбэртэй болоо һэн. Ж. Балданжапон. Сэнхир хаданууд. – И как раз в это время выяснилось, что их новый дом, построенный на кредит жены, был оплачен его трудоднями. Сада мог остаться у разбитого корыта (из А.С. Пушкина) и т.д.

Предикативные или же глагольно-пропозициональные ФЕ, как и другие языковые знаки, характеризуются двуплановостью. Включаясь в контекст, т.е. становясь фактом речи, предикативные ФЕ используются для характеристики единичного случая, события. Это обуславливает необходимость приспособления их к требованиям контекста: под влиянием контекста реализуются семантические потенции всей ФЕ или отдельных ее компонентов [Пашкова, 1989, с. 64].

При включении в контекст предикативных ФЕ их лексический состав может не только оставаться неизменным, постоянным, но и изменяться благодаря реализации синтагматических отношений. При этом наиболее часто встречается кон-

кретизация значения. Фразеологизм используется применительно к определенному факту. Например, *Бахын ханаан далайда* гэхэн шэнги, яагаа Сэлэнгэдэ һэрюу оруулхаар хөөрэнэш даа! Ц. Дон. Хиртэһэн һара – Говорят, лягушка помыслами в море...

Арбан табан жэл соо хэнэй юумэ эдижэ, юугээр хубсалжа ябаһан хүмши?.. – *Тэжээһэн буруу тэргэ эмдэжэ* байна гээшэ... Ж. Балданжабон. Бүргэд – Вскормленный бычок ломает телегу...

Внимание привлекают пословицы, у которых помимо прямого значения (информативного) сложилось значение переносное, так называемое образное или частично-образное. Пословичное значение применяется не к конкретному событию, которое отражается в прямых значениях его слов, но к классу ситуаций [Копыленко, Попова, 1989. с. 70]: *Эбдэхэдэ бэлэн, эблүүлхэдэ бэрхэ* ≈ ‘ломать – не строить’ относится не к одной ситуации, а ко множеству. Яркий пример этого – *үмдэгүйнь үбдэг соорхойдоо өөдэрхэбэ* ‘без штанов, а презирает того, кто на коленке имеет дырку’. Как аналогичную, можно привести русскую пословицу: ‘В чужом глазу сучок видит, а в своем - бревна не примечает’.

Возможность отнесения пословиц не к одному человеку или явлению, а ко всем людям и к разным явлениям действительности коренится в высокой степени обобщения.

Они отражают понимание неумолимости течения времени, объективную оценку этого явления: *саг сагаараа, сахилза хүхөөрөө* всему свое время (букв. время временем, ирис (бот.) зеленью – передает значение цикличности природы и постоянства времени, стилистически нейтральна; *урданай юумэ ула болоо, мүнөөнэй юумэ зула болоо* старина подобна подошве, современность подобна свече – эта ФЕ обычно употребляется с оттенком сожаления по поводу пренебрежения прошлым, утраты памяти о нем, стилистически приподнята; *үглөө эдихэ өөх-энһөө мүнөө эдихэ уушхан дээрэ* легкие, которые будешь есть сегодня, вкуснее жира, который будешь есть завтра, примерно соответствует русскому «Не сули журавля в небе, а дай синицу в руки» [Черемисов, 1973]. Часто пословицы вариативны. Ср.: *Малгай табиһан газар манайхи, мяха эдиһэн газар – танайхи* ≈ ‘сегодня здесь, а завтра там’ или ‘перекати-поле’. Вариант пословицы: *Гэр малшьегүй, малгай табибал манайда, маргаар гэбэл танайда*... М. Осодоев. Баршуудхын Дүүхэй.

Предикативные ФЕ в роли обстоятельственного придаточного предложения в сложном предложении чаще всего связываются с контекстом при помощи подчинительного союза *гэхэ*. При этом союзное слово переводится на русский язык ‘как говорится’ или ‘подобно тому’: *Тээд алдаһан хүн арба нүгэлтэй* гэдэгтэл, хаана ухаа муутай эхэнэрэй һураг дуулданаб, тэрэ нютаг тээшэнь хүбүүгээ үргэлһэн Аламжа ошодог байгаа. Д. Батожабай. Төөригдэһэн хуби заяан. А также:

Болоһонһоо ама хүрэ, бууралтаһаа һургаал аба гэдэгтэл, юумэ һураа һаань, шадахысал тулхабаалжа туршаха хэн бэээб. С. Цырендоржиев. Үбгэдтэ – мэндэ – Отведай от сваренного, поучись у седого...

Междометные ФЕ, характерные для устной речи персонажей, в немалой степени способствуют созданию стилистической окрашенности и завершенности характера произведения, индивидуализации речевого колорита: *Халагдаа халаг!*; *бурхан зуг, нохой халхай* и т.д. Например:

Со значением ‘Избави боже!’:... *бурхан зайлуул*, намһаал саагуур байг гэжэ зүрхэ алдашаба хэбэртэй... Х. Намсараев. Бодинсы үбгэн. Ай, хөөрхымни, ламбагайтайл ябаһанайхи амиды мэндэ гарасалдаба гээшэлди даа и т.д.

‘Черт знает’: Колхозоо хайшан абаашажа ябаа юм, *шүдхэр мэдэбэ*. Б. Мунгонов. Харьялан урдаа Хёлгомнай и т.д.

Дополнительными факторами, усиливающими экспрессивность ФЕ, является их ритмическая организация (аллитерация, рифма):

Таашааһаань ташуур үлгэхөөр (туранхай); хүн ахатай, дэгэл захатай; хүн-дэлэндэ хүлөө хэхэ; хүнжэлэйнгөө зэргээр хүлөө жишхэ; хүсэжэ ядаад хусаха; һайнда һайбар жороо, мууда модон мунса; хорондо хорон, хоихоногто өөхэн и т.д.

Распространены комбинированные средства создания выразительности – сочетание аллитерации с рифмой: *татаа һаа таһаршагүй, матаа һаа матаршагүй; хүн харатай, хүлэг гэнэтэй; эрбээхэйдэ элээгүй, хорхойдо хорогүй* и т.д. См. контекст: Хэрбээ би министр һаа, директор ноёниинь дуудуулжа асараад, *яһанайнь ялтайса, хабһанайнь хабтайса* хараахал һэм... Ч. Цыдендамбаев. Холо ойрын түрэлнүүд и т.д.

Встречается аллитерация с повтором: *һүүдэрээрэ нүхэр хэһэн, һүүлээрэ миһаа хэһэн; шоно эшэгэндээ зүб, шолмос шүдхэртөө зүб; шоно һанаа һаналжа, шулуун зүрхэ зүрхэлжэ* и т.д. См. у Б. Санжина, Б. Дандарона в «Заяанай зам»: Бидэниие *хэбтэһэн хони бодхоожо шадахагүй, хэриэһэн мяха эдижэ шадахагүй* арад зон гэжэ бү һанаг! Интересно сочетание аллитерации с синонимией, антонимией (*һула орхиһон һур, дэмы орхиһон дээһэн; һохорые бархируулха, һорогые мөөрүүлхэ; һураһан далай, һураагүй балай; шандаганай шабардама, шанагын зогсомо*) и т.д.

Синтагматические отношения могут быть обусловлены как валентными свойствами всей предикативной ФЕ в целом, так и отдельных ее компонентов. ФЕ, входящие в состав подобной конфигурации, сохраняют в неизменности свою традиционную структуру и компонентный состав.

1.2. Реализация адгерентной выразительности фразеологических единиц в языке прозы

Авторы, прибегая к фразеологическим единицам, используют не только их абсолютные, ингерентные выразительные свойства, но и адгерентные, связанные с определенным образом организованной последовательностью ФЕ и соседствующих с ними контекстных средств.

Прием актуализации фразеологии связан с усилением смысловой и стилистической нагрузки текста. При функционировании ФЕ без изменения структурных характеристик отмечаются различные соотношения их семантики, структуры и контекста, обусловленные характером семантических изменений или влиянием ФЕ на контекст.

Для максимального раскрытия выразительных потенций фразеологизмов используются различные приемы контекстуального включения ФЕ (фразеонабор, полный повтор, противопоставление и т.д.). Адгерентные выразительные возможности ФЕ реализуются амплификацией, антитезой, столкновением ФЕ (или ФЕ и свободных словосочетаний) и др.

Книжные фразеологизмы наиболее ярко выявляют свое функционально-стилистическое значение на фоне живой разговорной речи, что иногда подчеркивается писателем.

Так, ФЕ *түрэлөө урилха* ‘умереть’ относится к книжному, высокому стилю, в контексте имеет значение ‘лишить кого-либо жизни’ и соседствует с принадлежащей к разговорному пласту ФЕ *шархья хатааха* – букв. сушить чирики (обувь), т.е. ‘сдохнуть’:

...тэрэ нохойн *түрэлые урилуулаа* гээл даа, – гээд, Майтагсаан бодолгодо абтажа, томоотойгоор дуугарба, – тээд өөрөө түрмэдэ орожо зобохолши даа. – Түрмэ соо *шархьяшье хатаагуужаб*... Б. Ябжанов. Эртын шүүдэр и т.д.

Художественная литература не только вбирает в себя все богатства синонимии бурятского языка, совершенствует ее семантико-стилистические свойства, расширяет приемы ее употребления в речи, но и обогащает общезыковую сино-

нимику все новыми элементами. Это такие случаи, когда семантически и стилистически сближаются, выступая в качестве синонимов, слова и словосочетания.

В функциональном плане синонимия выступает как способность языковых единиц благодаря тождеству или сходству их значений замещать друг друга в определенных контекстах, не меняя содержания высказывания.

Замещение наблюдается чаще всего в следующих друг за другом частях текста и состоит во взаимной замене семантически адекватных единиц, что позволяет избежать однообразного повторения одних и тех же слов. Относительно ФЕ следует заметить, что замещение может состояться в полной мере лишь у ФЕ-вариантов. При этом отмечается функция уточнения:

Бага үдэһөө хойшо хирэ хирэ болоод лэ, *жэжэхэн бороо* шэдэрнэ. Энэ бороо ангуушад *гуран шээрэн* гэжэ нэрлэдэг. Ж. Тумунов. Алтан бороо. – После полудня время от времени моросит мелкий дождь. Такой дождь охотники называют гуран мочащийся.

Часто ФЕ используются с идеографическими синонимичными словосочетаниями: Хэрэг ябуулгын удха ойлгохогүй аад, *хүндэлэндэ хүлөө бү шэхэ!* Үри бээдээ *хаалта хэнгүй, бэээ абаад* нуу саашаа!... Д. Эрдынеев. Үйлын үри. – Не понимаешь значение дела, не суй ноги поперек! Ребенку своему не мешай, сиди в стороне!..

Уточнение состоит в раскрытии свойств и различных характерных признаков обозначаемых предметов и явлений действительности. Эта функция обычно реализуется в пределах одного предложения при близком, контактном расположении уточняющих друг друга частично эквивалентных ФЕ. Уточняются степень проявления признака, свойства, действия и т.д. Например, уточняется такое свойство человека, как недальновидность, наивность, выраженное через образ только что родившегося теленка: *Хамарһаа сааша юушье харахагүй тугаар гараһан тугалдал* адли бү больш. Ш-Н.Р. Цыденжапов. Тугаар гараһан тугал и т.д.

Часто это уточнение вкладывается в авторскую речь:

Энэ хадаа түрэ хуримай туг болгожо, манайда *нуурай шэнээн архи, болдогой шэнээн мяхан* гэхэн удхатай юм байгаа. Энээниие «*хул мяхан, хүүрр архи*» гэжэ нэрлэдэг. Х. Намсараев. Үүрэй толон. – Это было знаменем свадьбы и означало наличие озера вина, холма мяса. Это также называют «мясо, окорока, бурдюки вина».

Для художественного стиля характерна контекстуальная синонимия, когда в один ряд ставятся ФЕ, не синонимичные в обычной речи.

Синонимичные ФЕ могут служить средством стилевой и собственно стилистической (коннотационной) характеристики высказывания. Эмоциональное выражение оценки основывается на различной стилевой закреплённости маркированных синонимичных ФЕ, что является основанием положительного или отрицательного обозначения объекта (нейтральный, книжный и разговорный стиль).

Используется реализация синонимичных ФЕ для наиболее эффективного выражения какой-либо оценочности:

Тэндэ Ямаахан хүгшэн тээшэ *нюдэ шүдөө үзүүрлэжэ, хурсадажа, үргэ амаа зохолон* нууһан хүнүүд *дарья табилдажа*... Х. Намсараев. Үүрэй толон. – ...заострив глаза, зубы, чесали языки, галдели... Или

Би, Заятын Бизьяа хадаа болбол *газарай габаһаа, гадаһанай нүхэнһөө* гарашоод, *загуурида төөрижэ* ябаһан хүн бэшэ... С. Цырендоржиев. Үбгэдтэ – мэндэ – Я, Бизья Заятуев не тот, кто вышел из щели земли, дырки колышка, и не тот, кто заблудился в поднебесье...

Фразеологизмы, участвующие в создании амплификации, являются доминантой этого стилистического приема. Суть восходящей амплификации заключается в том, что фразеологизм, замыкающий ряд (или несколько фразеологизмов), наи-

более эмоционально и экспрессивно выражает общее значение, присущее всем компонентам ряда. Например,

Ши хүн зониие иигэжэ мэхэлжэ, холо ошохогүйш! *Булхайшни булшангаараа бултайхал* байха. *Шабар дээрэ шалд нуухадаа* ханаа орохош! Ц-Ж. Жимбиев. Гал могой жэл. – Ты, так обманывая людей, далеко не пойдешь! Обман твой вылезет наружу. Опомнись, когда сядешь в лужу. В амплификационной последовательности ФЕ *холо ошохогүй, булхайшни булшангаараа бултайхал, шабар дээрэ шалд нууха* существенно отличаются от нейтральных синонимов своими выразительными качествами: образностью, эмоциональностью, оценочностью, экспрессивностью, функционально-стилистическим значением. Амплификация, сближая понятия, выделяет их различия, расширяя представление о факте, явлении, действии.

...Бата, Цыремпил, Янжама гурбан, *унаһан малгайгаа абангүй, хамараараа газар хадхатараа* ажаллаһан байгаа. – ...Бата, Цыремпил и Янжима, не поднимая головы, чуть не падая носом в землю, работали. Здесь ФЕ *унаһан малгайгаа абангүй, хамараараа газар хадхаха* расположены так, что каждая следующая ФЕ включает в себе усиливающий смысл, создавая впечатление нарастания напряженной ситуации. Также:

Эшэхэ нюургүй, нюуртаа шабааһа түрхихэн үлэгшэн даһаа! С. Цырендоржиев. Хурьгэнэйдөө – Бесстыжая, намазавшая на лицо навоз сука!

Рассмотренные контексты демонстрируют такое употребление фразеологических единиц, когда значение одной играет роль усилительную, следуя за другой ФЕ. Это способствует нарастанию напряженности ситуации в контексте, тем усиливая экспрессию контекста.

Стилистический эффект, связанный с введением в синонимический ряд фразеологизма, также усиливается, когда в этом ряду используется слово-синоним с другой внутренней формой, отличной от образа фразеологической единицы:

Ангийн дайсан шамайе хубисхалта хуулиин ёһоор *хороохо* эрхэтэйб. Яахаб теэд, *нюдыеш анюулжа* үрдихэбди... С. Цырендоржиев. Хурьгэнэйдөө – Я тебя, классового врага, имею право по революционному закону уничтожить (букв. убавить). Да что там, успею тебе глаза закрыть...; ...*хоёр нюуртай билдагуушан* – аһан эрдэмтэй гэжэ тоологдохо... Д. Батожабай. Төөригдэһэн хуби заяан и т.д.

Рассмотренный материал показывает, что образы и фразеологической единицы и синонимичного ей слова относятся к одному семантическому полю.

Хара Арсаланай тэрэ *үбэштэй* шалхагар, *нойтон мунса* Жамбалда ошобоб гэжэ, тэдэнэрэй зараса болонхаар, үхөө һаам дээрэ! – Лучше умереть, чем идти за дубину стоеросовую, дурака жирного Жамбала, сына черного Арсалана и стать их служанкой!

Однако могут быть случаи замыкания синонимического ряда словом, более экспрессивным, чем ФЕ:

Хүн түрэл болоһоор хүндэ *гар хургүүлжэ* үзөөгүй аад лэ, харин Эрдэни гулваагай галзуурһан һамганда *маажуулжа*, эгээн түрүүн иимэ юумэ үзэбэб. Х. Намсараев. Үүрэй толон. – С тех пор как возродился человеком, не разу никто меня пальцем не тронул, вот первый раз только испытал такое, будучи исцарапанным бешеной женой... и т.д.

Суть стилистического приема нисходящей амплификации состоит в том, что амплификационный ряд открывается фразеологической единицей, более экспрессивной, чем следующие за ней слова-синонимы:

...*хоёр нюдэнэй эсэсгы шэнги үнэтэй зөөринь* бэлэй... Б. Ябжанов. Эртын шүүдэр – ...были такими ценными, как зеница ока.

... *ташаанһаань ташуур үлгэжэрхихөөр туранхай* болошоһон юм. Д. Батожабай. Төөригдэһэн хуби заяан. – ...конь истоцился так, что можно было за бока подвесить кнут. Прием нанизывания фразеологизмов, т.е. употребление более

двух-трех ФЕ, иногда относящихся к различным стилям речи, дает возможность обрисовать объект со всех сторон, полнее характеризует его.

Фразеонабор способствует еще большему нарастанию напряженности ситуации:

...эзэн монгол уурлаһандаа *аманда орохысо хараал табихаһаа* гадна, *гартаа ороһон лэ юумээрээ тархи түрүүгүй сохидог* байба. Д. Батожабай. Төөригдэһэн хуби заяан. – Хозяин монгол изрыгал проклятия, которые язык не выговорит, да еще бил куда попало тем, что под руку попадет...

...ахай баабайнарта *арһа мяхаа үбшүүлжэ*, амаараа дүүрэн *шорой үмхэжэ*, *шуһа нүжэеэ урадхуулжа* хэбтэхьемни хараһан байхат, – гээд, гэнтэ уяран, *нюдөөрөө дүүрэн уһа мэлмэрүүлшэнэ*. Х. Намсараев. Үүрэй толон. – ...видели вы, наверное, как я лежал, истекая кровью, глотая землю полным ртом, как шкуру с мясом с меня сдирали старейшие, – говоря так, расстроился, глаза его застлали слезы.

Хүндэлэндэ хүлөө хэлсэхэеэ болиг, *эмээлэй «хойто бүүргэ» болоһон* хойноо *амья хараад, арһаа хэдэрээд* һууг лэ! Б. Ябжанов. нэшхэлэй олзо. – Пусть перестанет поперек ноги вставлять, вмешиваться после того, как стал задней лукой седла, пусть за собой только смотрит, накинёт шкуру на себя и сидит! и т.д.

Такой прием концентрирует внимание читателя, увеличивает интерес к тексту, демонстрирует мастерство писателей, описывающих психологическое состояние человека во внутренних монологах или диалогах, характеристику персонажа и его внутреннее состояние в авторской речи и в речи персонажей.

Стилистическая фигура антитеза, служащая выразительности речи путем резкого противопоставления мыслей, образов, основывается на общей психологической ассоциации, когда одно представление вызывает другое по сходству или противоположности.

Фразеологизмы-антонимы привязаны к различным ситуациям, что и ставит их в отношения контрадикторности, так неодинаковая ситуативная отнесенность вносит некоторые различия в интенсивность проявления экспрессивного компонента.

Соотнесенность ФЕ с определенной ситуацией, с фоновыми знаниями, связь с внутренней формой предполагает использование ФЕ лишь в сходных по основным качествам контекстах:

...тэрэниие Ванданда түрүүн орожо, *амыень тоһодоод, шаргыень газардуулаадхиха* гэжэ зааһан юм. Ц. Галанов. Хун шубуун. Здесь противопоставлены 'рот умаслить' и 'сани застопорить', т.е. создать препятствие, усыпив бдительность подарком.

Уһа балгаһан мэтэ абяагүй һууһан нүхэдэйнгөө гэнтэ иигэжэ *амаа хахалхадань*... Д. Эрдынеев. Ехэ уг. – Когда друзья его, сидевшие словно в рот воды набрали, вдруг раскрыли рот...

Адгерентная выразительность ФЕ усиливается в тех случаях, когда автор в узком контексте сталкивает фразеологизмы или свободные словосочетания с ФЕ, связанные тем, что в их состав входят общие слова-компоненты (однокорневые, тематически близкие).

Таанад, үхид, үхэһэн хүнэй бодохоор *нюргандань хэлсэхэ аад, нюур дээрэнь юушье хэлэхэгүй, амандаа уһа балгаад байхат*... Ц-Д. Дондокова. Ногоохон отог. – Вы, девушки, за спиной говорите так, что покойника поднимете, а в лицо ничего не говорите, в рот воды наберете...

Юундэ *амаа хаташабаи?! Ы!* Хулааг баядые харааха болоходоо, *хэлэ амаяа бүлюүдэшидэг*... С. Цырендоржиев. Шобоодой. – Почему у тебя язык отсох? Ы! Как начнешь ругать кулаков богачей, так язык точишь... Или *Энеэжэ байһаар бултадаа ханяаха* бологшобибди! Ц. Галанов. Саран хүхы – Так смеясь, как бы не закашлять!

Повтор ФЕ осуществляет связь между отдельными мыслями, образами, при контрасте содержания которых эффект воздействия на читателя растет в еще большей степени. Например: Ши, Володя, *альган шаанги* гэжэ спорт мэдэхэ гүш? – Ямар *альган шаанги*? С. Цырендоржиев. Эсэгын ганса – Ты, Володя, знаешь такой спорт, как ладони-шаньги? – Какие ладони-шаньги? (о боксе). *Альган шаанги* означает затрещину, подзатыльник.

...*альга ташаһандал, альгаа ташаба*. Ч. Цыдендамбаев. Холо ойрын түрэлнүүд – ...аплодировал так аплодировал.

Повтор выражает напряженность ситуации в контексте:

...тэдэ голодоһотой буладай зүйлнүүдые дахин шудхаха хэмжээ абабални хамаг бүхы түсэб, уялгамнай *буруу хүрэхэ*. Энэмнай сааша манай заводой, тиигээд республикын промышленностиин түсэбэй дүүргэлтые *буруу хүргэхэдөө болохо...* *Буруу хүрэхэдэнь*, зарим нэгэнэй улаан сурба үхибүүд гэдэһээ үлдэхэдөөмагад. Д. Эрдынеев. Ехэ уг – ...если бракованные стальные изделия переплавить, то весь план, обязательства нарушатся. И дальше может нарушиться план нашего завода, затем промышленности республики... Когда все нарушится, у некоторых дети начнут голодать.

Вариантный повтор в амплификационном ряду используется во внутреннем монологе терзающегося в сомнениях героя, который в начале монолога как бы подстегивает себя резким разговорным 'распустить сопли', затем подбадривает себя нейтральным 'нос повесить': *Нюһаяа һанжуулжа хэбтэхэ юумэ үгы...* Магад, оройдоо үгы студентдэ һанаагаа зобоно ааламби? ...*хамараа һанжуулһанай хэрэггүй*.... Б. Мунгонов. Харьялан урдаа Хёлгомнай – Нечего распускать сопли... Может, и нет совсем этого студента, а я мучаюсь? ...нос вешать не надо...

Юмористический эффект создает 'китайская стена': ...хамаг хаалта хүрэнүүдые, *хитадай агууехэ ханануудые* дурдаба. Эгээл ехэ *хитадай хана* – «рецензи» гэхэн үгэ юм... Ч. Цыдендамбаев. Холо ойрын түрэлнүүд – ...всякие преграды, великую китайскую стену упомянул, самая большая китайская стена – это слово «рецензия».

2. Функционирование фразеологических единиц со структурно-семантическими изменениями

Возможность преобразования вытекает из сохранения внутренней формы ФЕ, их раздельнооформленности и относительной устойчивости.

Актуализация этих свойств ФЕ и лежит в основе всех приемов изменения их содержания и формы. Один из основных парадоксов фразеологии заключается в противоречии между ее стандартизованностью (автоматичностью) и актуальностью. Устойчивость ФЕ не абсолютный, а относительный их признак. В системе языка, вне контекста ФЕ характеризуются наибольшей степенью устойчивости. В конкретных же текстах ФЕ обладают относительным постоянством семантики и структуры. При этом важно подчеркнуть следующее: в любом случае преобразование ФЕ сохраняет соотнесенность с номинативным, исходным фразеологизмом.

Такие ФЕ, в состав которых входят архаичные слова и грамматические формы, характеризующиеся синтаксической нерасчлененностью, т.е. фразеологические сращения, не поддаются трансформации. Например: *агиан зуура* в мгновение ока, *жэнишэд гүүлэнгүй* аккуратно, безукоризненно, *загуурдиин хабсагай* по религиозным представлениям труднодоступные скалы, где витают души внезапно умерших, до нового перерождения, *нюдэнэй сэсэги мэтэ* как зеницу ока, *сожосошье татахагүй* и ухом не ведет, *хаяа хадхаха* жить бок о бок, *улаан сурба* мал мала меньше, *зун дагаан* произвольно, *зулууд ябажа байха* идти как по маслу и т.д.

Легче и проще всего изменяют семантику и компонентный состав фразеологические единства, мотивированность внутренней формы которых позволяет писателям возвращать этому разряду фразеологизмов первичный, буквальный смысл, восстановить их фразеологический образ. Лексемный же характер слов-компонентов фразеологических единств позволяет изменять их состав: производить замены, распространения и опущения тех или иных компонентов.

Чем более устойчивы ФЕ, тем меньше они подвергаются различного рода преобразованиям в речевых текстах. Способность к структурному варьированию в наибольшей степени свойственна единствам и в наименьшей – сращениям, ибо сращения – наименее гибкая часть фразеологии, характеризующаяся неподвижностью отдельных компонентов и отсутствием связи со свободным словосочетанием.

Но все же иногда структура сращений, их компонентный состав могут быть преобразованы. Например, *халбагаа хахарха, нохой тахалха*:

Манай эрдэмтэ томо шулуунай дэргэдэ тодхортойхоноор баригдаһанһаа хойшо һамгантаяа *халбагаяа хахарангаа хахаржа*, дача зуһаланайнгаа ойрошье ошохо эрхэгүй болошоо һэмнэй даа. Ч. Цыдендамбаев. Холо ойрын түрэлнүүд; *Нохойн дурбэн тагалсаг түмэр тахаар тахалаа* болёошье һаа, гүйхөөрөөл гүйхэ юумэ бэшэ гү? Там же.

Наибольшая подверженность трансформациям отмечается у фразеологических выражений, что обусловлено свободной связью между компонентами данных ФЕ.

Адгерентная выразительность фразеологических единиц реализуется в окказионально преобразованных ФЕ. При таком функционировании ФЕ их экспрессивность не только усиливается, но они могут использоваться и в другой стилистической тональности, могут меняться их значение и оценочная квалификация. Приемы, вносящие изменения в стилистическую характеристику ФЕ, приводят к перераспределению сем или внесению новых сем в них. Наблюдаются двойная актуализация, инверсия ФЕ и дистантное расположение компонентов, морфологические инновации, распространение, замена компонентов, контаминация, реплика-подхват, эллипсис, компрессия и др.

Отметив, что очень часто речь строится по шаблонным, стандарт-образцам (в силу шаблонизированного характера самого литературного языка), Л.Б. Щерба подчеркивает, что «речевая деятельность в принципе является речетворчеством, обусловленным правилами “языковой системы”» [Щерба, 1957. с. 104].

Эти мысли важны для понимания сущности речетворчества в области фразеологии: в каждом конкретном случае любые преобразования фразеологии базируются на их нормативности.

Важно подчеркнуть, что тропеические изменения фразеологизмов осуществлялись в результате живого речетворчества, в конкретных речевых условиях. Эти речевые изменения и обусловили относительную устойчивость ФЕ, выраженную в их способности варьироваться. Вариантность фразеологизмов соотносима с единицами разных уровней: лексико-семантические: *араг яһан / арһа яһан* – скелет; *үһэн үрзыхэ/ үһэн арбайха* – волосы дыбом встают и т.д.; стилистические варианты: *тархьяа һанжуулха/ нюһаа һанжуулха* – голову повесить / нюни развесить и т.д.; синтаксические варианты: *тархьяараа ябахә/ тархи дээрэе ябахә* – ходить на голове, *амынь хараха/ ама руунь хараха* – смотреть в рот и т.д.

Системно-языковая специфика ФЕ (т.е. способность к разноуровневому варьированию) лежит в основе их индивидуального преобразования, которое по своей сути есть не что иное, как то же самое варьирование, но вызванное к жизни определенными речевыми контекстами-ситуациями: Ород, буряадшье баяшуул тон адлирхуу гээбы, одоол *үрөөһэн шархинууд*... М. Осодоев. Баршуудхын Дүүхэй.

Буруугайнгаа хорёо эмдэжэ, Бизьяа үүримни холо наагуур газар үзэжэ эхилхэн хаям.... С. Цырендоржиев. Үбгэдтэ – мэндэ.

В приведенных контекстах индивидуальные преобразования узуальных ФЕ *шархи наараа олохо* или *үрөөһэн бөөрэ* и *тэжээһэн буруу тэргэ эбдэхэ* и *буруугай бэлиээрһээ гараагүй* мотивированы контекстом. А с другой стороны, эти индивидуальные преобразования отражают восприятие носителями языка определенных фактов языка и указывают на возможность их преобразования в самом языке.

Говоря об индивидуальном варьировании (преобразовании) ФЕ, учитываем тот факт, что постоянные элементы фразеологизма, образующие основу его тождества, должны быть неизменными. Варьирование ФЕ осуществляется на счет изменений переменных, подвижных элементов. Но подвижность фразеологизмов не может быть полной, поскольку понимание измененных ФЕ достигается благодаря неподвижным их компонентам.

ФЕ в исходной форме является основой всех структурных окказиональных изменений. Типичным в языке художественной прозы является обновление фразеологизмов путем трансформации их структурно-грамматического облика. Из более чем 1600 рассмотренных нами употреблений ФЕ в художественных произведениях наблюдается около 400 случаев различного рода преобразований. При этом не наблюдается обусловленности модификации ФЕ каким-либо жанром.

По О.С. Ахмановой, распространение – это увеличение линейной протяженности морфологической единицы за счет введения в ее состав аффиксального элемента и синтаксиса / введение в предложение второстепенных членов, т.е. дополнительное введение в него таких единиц / соответствующих синтаксических единиц, которые не влияют на основные синтаксические отношения, выраженные главными членами предложения [Ахманова, 1969, с. 379]. Думается, данный термин вполне применим и к ФЕ, ибо ФЕ, расширившихся за счет введения прилагательных, наречий и других частей речи, встречается довольно много. Их количество составляет значительную часть всех трансформированных фразеологизмов в исследовании – 110 ФЕ, или около 27 % от всех трансформированных единиц.

Высока частотность этого способа обновления коннотации, распространения, у Д. Батожабая в романе-трилогии «Төөригдэһэн хуби заяан» – 32 единицы. Создается развернутый, конкретизируемый образ. Компоненты ФЕ дистанцируются за счет введения дополнительных слов, например, ФЕ *нюдөөрөө үрэмдэхэ* ‘сверлить глазами’:

...хуниие үрэмдэжэ харадаг шороб адаалхай нюдэтэй; ‘не отводить глаз’ *нюдээ холо болгохогүй – түргэн хара нюдые халташье хажуу тээшэнь болгоогүй*; ‘скользить взглядом’ *нюдээ халтируулха – тогтууриггүй нюдэээ энэ тэрын нюур дээгүүр халтируулан* и т.д. Положительно оценочная ФЕ *нюдэндөө галтай* ‘с огоньком в глазах’ преобразуется следующим образом: *нюдэдтэ зулын гал носошоһон мэтэ* баяр ерэжэ, Булад бэээ барингүй хашхаржархиба; *бүрүүлтэшоод байһан нюдэээ гансата галтай болгожсо*; *харахан нюдэнэйн хэлэшэгүй мээхэй гал* и т.д. Можно заметить, что здесь также достигается коммуникативная цель – отразить эмоционально-субъективное отношение автора к своему герою – *зулын гал* – это огонек, который зажигается в особых случаях перед образом бога.

Или, например, ФЕ *ама таглаха* ‘заткнуть рот’ распространяется следующим образом: *...эдэ буһалгаашадай амыень гансахан хара соо туулгаар таглахаб...* Д. Батожабай. Төөригдэһэн хуби заяан – ...за один месяц свинцом я заткну рты этим бунтовщикам... и т.д.

Часто ФЕ распространяются за счет образования парных слов. Таковы примеры *уур хорон бусалжа*; *хул мүрөө алдажа*; *нюдэ аманһаа холо болгогты!* и т.д.

Распространителями ФЕ могут быть словосочетания, имеющие функцию обстоятельства, они могут быть выражены числительными, как, например, в контексте *толгойнь үһэн нэгэ нэгээрээ өөдөө бодожо* байһандал үзэгдэбэ – показалось,

будто волосы на голове встают по одному. Введенные в состав ФЕ наречия также помогают конкретизировать ситуацию, более образно передавая эмоциональное состояние героя: *толгойнь үһэн аргаахан өөдөө бодожо* захалба; *нэгэтэ халбагын лаб хахархые* боро ухаандаа тухайлба. Резко уничижительный оттенок приобретает ФЕ *үримнай үһэнһөө ехэ* при распространении в контексте: *үри бөөһэн хоёрһоо зайсахаяа болиһоноо* мэдэдэг бээш. Подобные ФЕ как свободные словосочетания позволяют вклинить слова между компонентами: *Уур хоронойнгоо хөөһөөр бусалан...* Так, слово *хөөһэн* (пена) помогает возникновению ассоциации состояния гнева с бурным кипением пенящегося вспучивающегося яда. Или: ...ябага нюсэгэшүүд хуу *һүүлээ дээрэ үргэнхэй* – ...все эти пешие голодранцы хвост высоко задрали. Исконные варианты – *толгойгоо үргэхэ* и *хамараа үргэхэ*.

Среди частей речи, вводимых в состав используемых ФЕ, доминируют существительные, глаголы, прилагательные, реже – наречия, местоимения, числительные. Хүгшэн, абья гарыш энэнээ, юугээ *уһа балгажархиһан зумбараандал* пүсхылгэжэ һуунабши? С. Цырендоржиев. *Үбгэдтэ – мэндэ. Что ты сидишь, надувшись, словно в рот воды набравший суслик?* Начальная форма ФЕ: *амандаа уһа балгаһан мэтэ*.

Распространение ФЕ прилагательными способствует усилению коннотации, т.е. повышению экспрессивно-эмоциональной оценочности. Здесь можно отметить качественную экспрессию. Например:

Эндэ сугларһан айлшад бултадаа *амаа һайн халажа...* Х. Намсараев. *Үүрэй толон. Начальная форма амаа халаха* – букв. рот нагреть ‘захмелеть’.

Автор усилил значение ФЕ, уточняя, как смех превращается в кашель – черзмерный смех к добру не приводит, по наблюдениям народа. *Энеэдэн хөөрэжэ, ханяадан болохо*, манан хөөрэжэ үүлэн болохо гэжэ манһаа удхатай болохонь ха. Х. Намсараев. *Жаргалай түлхюур. К ФЕ энеэдэн ханяадан болохо* добавлено *хөөрэжэ* ‘поднимаясь вверх’ – деепричастие.

Тогоотой алта мүнгэн соонь, *нёлбоһоёо һөөргэнь абажа залгаягүй ябадаг* харуу хомхой хүнэй хүзүүсээ унашоод, гараараа алтан хашарһа ханхинуулжа байхыень хараһан... Д. Батожабай. Төөригдэһэн хуби заяан. Начальная форма *нёлбоһоо һөөргэнь амандаа хэхэ*. Здесь введено несколько словоформ: деепричастие *абажа* взяв + причастие с отрицательной частицей *залгаягүй* не проглотивший + многократное причастие *ябадаг* ходит, существует.

Үндэр түрэлтэ генерал Войцеховский гэгшэтэй анда худанар боложо, арад зонойнгоо *хүзүүн дээрэ үшөө нэгэ бугуули хаяха* гэхэнтнай бүтэбэгүй гү? Ц. Галанов. *Хун шубуун. Начальная форма не содержит компонентов үшөө нэгэ*.

Эмоционально-оценочная окраска языка художественных произведений усиливается также за счет лексической замены, благодаря чему разрушается стандарт в использовании фразеологизмов, и они обновляются. В изложении художественных текстов могут быть заменены одно или несколько слов в ФЕ без учета совпадения или близости значений взаимозаменяемых слов. Более того, встречаются случаи замены слова словосочетанием или наоборот. В исследуемом материале количество случаев употребления ФЕ с заменой компонентов составило около 140 случаев или примерно 36% от числа всех трансформированных ФЕ.

Так, в романе-трилогии Д. Батожабая лексическая замена в ФЕ наблюдается в 24 единицах: *уһа шудхаһан зумбараан шэнги* (как мокрый суслик) вместо *уһа шудхаһан хулгана шэнги* (мышь). ФЕ *хүгшэн шоно* ‘старый волк’ встречается в виде *хүгшэн үнэгэн* (старая лиса), *хүгшэн нохой* (старый пес). Вместо *бүлхи залгиха* (жилу проглотить), т.е. ≈ ‘комочек в горле застрял’ употреблена *яһа залгиха* (кость проглотить) и т.д.

Например, следующая измененная ФЕ, конкретизируя ситуацию, делает более актуальным значение ‘ни кола, ни двора’:

Нанаараа орохо гэргүй, газар гэшхэхэ малгүй ябажа болохогүй ха юм! – Нелзя жить без дома, куда можно заходить, без скота, топчущего землю! Начальная форма – газар гэшхэхэ малгүй, ган гэхэ нохойгүй. И у того же автора: Юндэб гэхэдэ *газаагаа ган гэхэ нохойгүй, мордоод ябаха моригүй*, хашаа соогоо харагшан үнээнһээ бэшэ зөөригүй айл бэлэй. Шалхуу Рабданай хөөрөөн.

Хорин харын туршада *хурган дээрээ үргэжэ*, хүлдэ оросорнь хүхөөрөө тэжээжэ зобоо һэм. Х. Намсараев. Үүрэй толон. Исходная ФЕ: *альган дээрээ үргэжэ*.

Бороогой дуһаа нуурта нэмэри болодог гэжэ дэмы хэлсээгүй ёһотой. Б. Ябжанов. Эргын шүүдэр. Исконная форма: *далайда дуһал нэмэри* и т.д.

Эрын зосоохи «эмээлтэ хазаарта» уяран һуларжа, Шараб самсынгаа энгэр сэлижэ захалха. Б. Мунгонов. Харьялан урдаа Хёлгомнай и т.д.

В сфере словосочетания как эллипсис определяется усеченное и служащее номинацией реалии словосочетание, структурная полнота и смысл которого восстанавливаются из конкретной ситуации или исторического контекста.

Эллипсис обычно присущ для разговорной речи, для которой характерны конструкции с «незамещенной» синтаксической позицией. Он обусловлен свойственной разговорной речи ситуативностью и наличием невербальных средств непосредственного речевого общения (жесты, определенные семантики). Наш материал убедительно показывает, что эллипсис широко используется в бурятской художественной литературе как стилистическая фигура, придающая тексту динамичность, большую выразительность, усиливающая его экспрессивность.

В исследуемом материале 16% или 65 примеров употребления ФЕ, трансформированных способом элизии или эллипсиса.

Сокращению чаще всего подвергаются обороты, которые относятся к числу распространенных, компоненты фразеологических единиц легко восстанавлимы:

Тэрээнтэйшни наһан соогоо үгэлсэһэн, абалсаһамнай ехэ юм даа, үнэн сэхээр тоосохо болбол, *газаатнай ган гэхэ нохойшые үлдэхгүй* байна даа... Х. Намсараев. Үри нэхэбэри.

Бахын ханаан далайда гэхэндэл, фашистка генерал Бэк хадаа советскэ нийслэл Москвае эзэмдэн абаха сагни ойртоо... гэжэ бодоһон байгаа. Ж. Тумунов. Алтан бороо.

Иигэжэ ехэ наймаанай ехэ ноён алтанхан самсата поэт, адархан шүхэртэ шабганса хоёрые һамганай зүбшөөлгүй уриһанайнгаа түлөө нилээд ехэ хатууе мэрэжэ, *халууе долёобо*. Ч. Цыдендамбаев. Холо ойрын түрэлнүүд и т.д.

Всего около 60 ФЕ составляют с нулевой связкой:

Нюусаар уулзаха ушар гарана бшуу... Тиигээд лэ, *булхай булиангаараа* гэхэншүү, заатагүй хэн нэгэндэ харагдахаш... С. Цырендоржиев. Мүнхэ эрьсэ.

Шаб шара малгайта энеэжэ садаад, *бухын хамар нударгаар* гэдэгтэл, хадын хаяа тойруулангүй, ханаһанаа сэб сэхэ хэлэбэ: Минии басаганда диплом хэрэгтэй. Ч. Цыдендамбаев. Холо ойрын түрэлнүүд и т.д.

В некоторых случаях на основе эллипсиса возникают новые лексические единицы, примерно 9 % (36 единиц) трансформаций составляет явление компрессии, сжатия структуры ФЕ до одного слова или до парного слова.

Заа, *аха захаяа* болиһон, дэмы табихан дээһэн, һула табихан һур болоһон үхин даһаа. С. Цырендоржиев. Үбгэдтэ – мэндэ.

Мэхэ гоxygenь, убай *эрезень* мэдэхэ болоһон Шаглай мүнөөшые дүтэ орожо хөөрэлдэхэеэ этээрхэнэ. Ц-Д. Хамаев. Базаарай харханууд.

Бордоһолхонь лэ даа!.. Хашалантай тэнгэри агшаб! Мүр һалгахань, - гэжэ хамар дороо дуугарба. – *Халуун дээрэнь* ноёдто дуулгаагүйдэ болёо... Д. Эрдынеев. Хүлэг инсагаална и т.д.

Около 4 % составляет контаминация – образование нового выражения путем скрепления, объединения частей слова или выражений, связанных между собой

какими-либо ассоциациями, относящихся к одному семантическому полю. Столь малое количество объясняется, по-видимому, сложностью самого способа.

Халта дураа гутаһан Аламжа *шуһа таташаһан улаабтар нюдэээ үзүүрлэн татаад...* Д. Батожабай объединил ФЕ *нюдэндөө шуһа татаха* (кровь к глазам тянуть) и *нюдэээ үзүүрлэхэ* (глаза заострить), вводя распространитель *улаабтар* (красноватый). В следующем контексте контаминируются *арбан шүдэн хам* ‘де-сять зубов сомкнуть’ и *шүдөө зууха* ‘сжать зубы’:

Тэдэнэй нэгэ зариманиинь Ван Түмэртэ доро гэгшэ дохижо хүгэдэхэ гү, али зариманиинь *шүдэнүүдээ хам зуулдуулаад*, ама хооһон зогсохо...

Аманайнгаа хазайһан тээшэ доржогонохоо болихо юм гүш, али? М. Осодоев. Баршуудхын дүүхэй. *Хахархай аман байнал гэжэ + тархиингаа хазайһан тээшэ* и т.д.

Строгим порядком слов в предложении, присущим бурятскому языку, объясняется низкая частотность ФЕ с нарушенными внутренними синтаксическими связями (инверсия) и добавлением слова-распространителя – в нашем материале всего 2,7%.

У Д. Батожабая: ...яһан туранхай үбгэнэй *сагаанаараа харашаһан эригээр нюдэд* ёлойжо харагдаба – Злобно исподлобья смотрели белками пестрые глаза тощего костлявого старика. Начальная форма ФЕ – *нюдэнэйнгээ сагаанаар хараха*.

Функция иронии, насмешки ФЕ *уһан толгой* усиливается: Теэд нэгэ бага *толгой соогоо уһатай Илиодор*, ... шүлһэндөө сасажа байгаад, эрэ тахягай бархирһандал адляар, ута наринаар энеэжэ захалаа һэн. Там же.

Миний *яһа хухалха* гэжэ оролдодог байгааш. Мүнөө би тэрэнэйшни харюуда *нэрыешни хухалаад* туршаһуу. Ж. Балданжабон. Бүргэд (Начальная форма: *Нэрээ хухаланхаар, яһаа хухарһан дээрэ*) и т.д.

Повтор в несколько измененном составе фразеологического оборота – часто встречающийся прием в текстах.

Галуу һажааһан турлаагууд гэшиэбди гэжэ ганса мүнөө хэлэнэгүйш, ходо хэлэдэгши! ...*Тэрээхэн галуу һажааһан турлааг тухайгаа* дуугархаяа болёоройш! Д. Эрдынеев. Уйлын үри.

Шиний *ама таглахын* түлөө нилээн ехэхэн *таглаари* хэрэгтэй юм хаш. Ц. Д. Дондокова. Хориин хатад. – Большая пробка нужна, чтобы заткнуть тебя.

Фразеологизмы, несущие в себе обобщение, способствуют построению кратких, но емких диалогов. В художественной прозе персонажи как бы соревнуются друг с другом в остроумии, в богатстве своего языка, отстаивая свое мнение или доказывая что-либо, поясняя, добавляя и т.д. Автор вкладывает в уста одного героя ФЕ, которые подхватываются другим героем-собеседником, а семантика обыгрывается тут же в диалоге. Например:

Уураа залирааха хэрэгтэй. *Ташуураар һүхын үнсэгые сохижо* яладаггүй юм. – Ойлгосотой. – Дамба сухалдаа ялалзаһан нюдөөр энеэнэ. – *Баяниинь һүхын үнсэг боложо, үгытэйнь зөөлэхэн һур болобо* ха. П. Малакшинов. Багша.

Яжа мэдэхэб, *халааһандамнай юу хээн байгаа* аалам бы? – гэжэ Бахана «*халааһандаа хахад сагаангүй*» гүүлһэндээ дурагүйшгөөр дуугарба. Б. Мунгонов. Харьялан урдаа Хёлгомнай.

Писатели также используют ФЕ так, что они без преобразования лексемного состава могут предстать в другом, новом значении.

Так, известная ФЕ *тоһон соо умбажа, торгон дээрэ һолжорхо* со значением ‘как сыр в масле кататься’ получает новое значение в контексте: Саашадаа энэ ажалаймни *тоһон соогуур халтиржа, торгон дээгүүр һолжоржо байһандал* адли уранааршые, ульгамааршые, омогтойгооршые, олзотойгооршые бүрин түгэс бүтэхын һэшхэлдэ, гансал тэрээнэй һэшхэлдэ ууябди, – гэбэ. Ч. Цыдендамбаев. Холо

ойрын түрэлнүүд – Выпьем за то, чтобы в дальнейшем моя работа шла легко, как по маслу, катилась, как по шелку.

Наиболее распространенным видом семантического преобразования является двойная актуализация, когда словосочетание функционирует одновременно и как свободное, исходное синонимичное словосочетание, и как фразеологизм (3,2%).

Урданай хүн зэргэлээ хадынгаашье саана хүсэд гаража харангуй, *буруугайнгаа бэлиээри соо нахаяа дүүргэдэг байгаал* даа... Ц. Галанов. Хун шубуун. – В старину люди не могли и за соседнюю гору сходить посмотреть, так и заканчивали жизнь свою на пастбище телят.

...эдэнэй *газар гэххэжэ ябаһан хамаг малыень* бултыень хуряжа асараад, тэрэ үнээнэйн томогто хаагаад орхигты... Х. Намсараев. Үүрэй толон. – ...весь скот, топчущий землю, соберите, пригоните и закройте в коровник...

Норжомо залуухан эхэнэр мэтэ уяханаар хятагад гээд, *хормойнгоо һалхи тататар* байра дээрээ эрьелдээд... С. Цырендоржиев. Үбгэдтэ – мэндэ. – Норжомо как молоденькая гибко изогнулась, повернулась на месте так, что подол ветром вздуло... Здесь обыгрывается ФЕ *хормойдоо һалхи хабиууһан* – легкомысленная, ветреная и т.д.

Существующие ФЕ иногда употребляются авторами в противоположном значении (антифразис):

Саг сагаараа байхагүй, сахилза хүхөөрөө байхагүй... Х. Намсараев. Үүрэй толон.

«*Мяхан бусалха бүрээ эдешэдэг, хүн үбгэрхэ бүрээ ухаа ородог*», – гэжэ хэн нэгэнэй хэлэбэл, урбалдуулаад лэ орхихо: «*Мяхан бусалха бүрээ шүүһээ алдаха, хүн үбгэрхэ бүрээ ухаагаа гээдэг*». С. Цырендоржиев. Хүрьгэнэйдөө. – Если кто-нибудь скажет «Мясо чем дольше кипит, тем более наваристое, чем старше человек, тем больше ума набирается», то обязательно перевернет: «Мясо кипит – сок теряет, человек стареет – ум теряет».

Мы следуем мнению И.Р. Гальперина: «Само собой понятно, что сущность стилистического приема не может заключаться в отклонении от общеупотребительных норм, так как в этом случае действительно стилистическое средство было бы противопоставлено языковой норме. На деле же стилистические приемы используют норму языка, но в процессе ее использования берут самые характерные черты данной нормы, ее сгущают, обобщают и типизируют. Следовательно, стилистический прием есть обобщенное, типизированное воспроизведение нейтральных и выразительных фактов языка в различных литературных стилях речи» [Гальперин, 1958. с. 47].

Отсюда очевидно, что выразительные средства языка – узуальная языковая норма, а стилистические приемы – окказиональная речевая.

Окказиональные стилистические приемы, возможные только в определенном контексте, не могут быть аномалиями и носят системный моделированный характер, так как могут регулярно воспроизводиться в речи для создания одного и того же дополнительного стилистического эффекта.

«...Каждый отдельный прием является строевым элементом более сложного целого, а все приемы в совокупности создают определенную систему. Между отдельными элементами системы существуют структурные отношения, иначе говоря, элементарные приемы преобразования не просто функционируют независимо друг от друга, хотя и рядом друг с другом, а образуют вместе упорядоченную структуру» [Шадрин, 1973].

Окказиональных ФЕ в исследуемом материале обнаруживается более 50 единиц. А.В. Кунин считает раздельнооформленность ФЕ важным фактором, способствующим окказиональному стилистическому использованию [Кунин, 1983].

Свыше 400 ФЕ различной стилистической окраски использовано в романе-трилогии Д. Батожабая «Төөригдэһэн хуби заяан» (1959, 1962, 1966 гг.). Около 20% (примерно 70 единиц) от общего числа ФЕ, функционирующих в романе, подвергаются различным трансформациям.

Например, выразительны, ярки ФЕ *нюур дээрэшни хүхэээ бүлюүдэхэ; үргөө хабша; ...хоёр яһатанай хоорондо хоро үһөө хаяна; үһашье адхабалынь, хоорондуурнай гоожохогүй*. Данные окказиональные ФЕ образуются по аналогии с уже существующими в бурятском языке фразеологизмами *хэлээ бүлюүдэхэ* (точить язык); *һүүлээ хабшаха* (хвост поджечь); *яһа хаяха* (бросить кость); *хилгааһаншье багтахагүй* (не пролезет и конский волос). По аналогии с *һу бүлэхэ* (спец. отделять молоко) образована окказиональная ФЕ в контексте: Тэрэнэй зүрхэн сохилногүй. Булаг харахан *нюдэнишь үһа бүлэнэгүй* – Его сердце не бьется. Черные как родник глаза иссякли.

Необычное словосочетание *шуһа бүлэхэ* в контексте *хоро шараар шуһаяа бүлэн байгаа тэрэнэй зүрхэн* выстраивает весьма впечатляющую по образности картину – ‘его сердце, замешивающее кровь на яде’...

ФЕ, калькированные с русского языка, творчески преобразуются писателем. Например, по аналогии с русской ФЕ ‘сидеть на пороховой бочке’ созданы ФЕ:

боошихо хээд таглаһан дари шэнги – подобно заткнутой бочке пороха...

Также по аналогии с русскими ФЕ созданы *зүрхыень миисгэйн маажажа байһандал* ‘на душе кошки скребут’; *шоргоолзоной арбагашалдаһандал, уусаарнь* ‘мурашки бегают по коже’; *хүн бүхэн хуби хубидаа өөһэдынгөө «горшоог» бусалгажа* байна – ‘вариться в собственном соку’; *хиш газар хорхой буудаха* – ‘стрелять из пушки по воробьям’ и т.д.

См. контекст: ...шэбэнэлдээн Ород посольствын гэшүүдэй дундуур *урдаһан үһанһаа аргааханаар, ургаһан үбһэнһөө доохонуур* таража захалаа һэн. Д. Батожабай. Төөригдэһэн хуби заяан. Бурятский вариант весьма органичен: ‘текущей воды тише, растущего сена ниже’. Созданные автором ФЕ могут быть многозначными, что явствует из контекстов, например, в одном случае *дуһал үһанай зэргэ юумэнһээ далай болгожо* шатадаг (из капли воды делает море) имеет значение ‘из мухи делает слона’. А во втором случае *дуһал үһые далай болгоод, тамархамни* – ‘осуществить невозможное’. Также оригинальны ФЕ:

«Ганса мүнгэнэй хойноһоо *галзуурһан заанише зайдалжа* хосорхо хүн» гэһэн юм. Ж. Тумунов. Нойрһоо һэриһэн тала. – Из-за денег погибнет, оседлав бешеного слона.

Тэрэ үхинэйнгөө *нүгэлэй хара нүхэндэ өөһэдөө шишагдахат*. Х. Намсараев. Үүрэй толон – В черной яме греха своей дочки вы сами будете мокнуть.

Одновременно несколько видов изменений составляют в значительном количестве комплексную трансформацию, высшую степень окказионального преобразования ФЕ. При этом многообразии сложных преобразований является открытой системой.

Так, ФЕ могут обыгрываться во всем контексте, развертываясь за счет комплексной трансформации. Например, ФЕ *не дели шкуру неубитого медведя* (вм. медведя заяц): *Шандага хараад, алаагүй аад, арһыень үбшэжэ байна* бэшэ гүт? – гэбэ. *Шандага хараа бэшэ, шандагаяа амидыгаар барижа* хүлээд, тэрэ гэр соотнай хаагаад байна бэшэ гүбди? ... энэ дороо арһыень үбшэхэб! Д. Батожабай. Төөригдэһэн хуби заяан. – Заяца увидев, не убив, шкуру сдираете, что ли? – сказал. – Не только увидели зайца, а живьем поймали, связали и закрыли в вашем доме... Сейчас же шкуру начну сдирать!

Обыгрывается семантика ФЕ *сарбуу шүүрэхэ* (схватить кисть руки) в значении ‘кто-либо требует больше, не удовлетворяясь тем, что дали’. Здесь можно усмотреть частично калькированные русские ФЕ *палец в рот не клади* (*откусит*)

+ *посадишь свинью за стол – она и ноги на стол: ...хургаа дайсандаа үгөө хааш, хожомоо хамаг гарышни таһа татаха* – отдашь палец врагу, потом всю руку оторвет и т.д. Двойная актуализация + повтор + эллипсис + замена:

...сабишан мүшэр дээрэ гэхэжэрхихэдэнь, тэрэнь гансата хухаршаба. ... Хэншые өөрынгөө дээрэнь *һууһан мүшэрые таһа сабишаха, гутааха, бузарааха ёһогүйл.* Эхэ байгаалингаа бүхы хүн түрэлтэнэй дээрэнь *һууһан мүшэртэл* адли байһыень хэмнайшые бү мартаг. Ш-Н.Р. Цыденжапов. Нангин газар и т.д.

Таким образом, трансформация структурного облика фразеологизма вызывает обновление и семантико-стилистического содержания такой единицы.

Авторы используют все виды ФЕ, изучение которых позволило наряду с выявлением выразительных возможностей этих единиц определить их стилистическую значимость для произведения. Выявлены такие приемы использования ФЕ, как ингерентная (без структурно-семантических изменений) и адгерентная выразительность (позиционно обусловленная и с разного рода трансформациями). Художественная выразительность фразеологизмов особенно ярко проявляется в авторских окказиональных ФЕ. Границы между разными способами стилистического использования ФЕ не совсем четки, расплывчаты. Поэтому выделяется комплексная трансформация.

Пути и способы применения ФЕ, их назначение в художественной прозе чрезвычайно разнообразны, экспрессивные возможности их по-разному используются в зависимости от образной структуры, текста, от тематического задания, наконец, от конкретных художественных намерений и устремлений писателя. ФЕ используются для типизации конкретных лиц, отражения психологического настроения, духовных переживаний, создания картин быта и жизни, описываемого времени и т.д. Выявление роли ФЕ в формировании индивидуального стиля автора представляет собой довольно интересную и значимую проблему в изучении фразеологии бурятского языка в коммуникативно-прагматическом аспекте, а также в исследовании процесса ее становления.

Литература

- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958.
Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. Воронеж, 1989.
Кунин А.В. Основные понятия стилистики в области фразеологии // Структура лингвостилистики и ее основные категории. М.; Пермь, 1983.
Пашкова А.В. Значение фразеологических единиц // Фразеологическая номинация: особенности семантики фразеологизмов. Ростов-н/Д., 1989.
Тагарова Т.Б. Функционирование фразеологических единиц бурятского языка в газетно-публицистическом стиле. Иркутск, 2002.
Тагарова Т.Б. Фразеологические единицы в языке бурятской прозы. Словарь-справочник. Иркутск, 2006.
Цыденжапов Ш.Р. Бурятско-русский фразеологический словарь. Улан-Удэ, 1992.
Черемисов К.М. Буряад ород словарь. М., 1973.
Шадрин Н.А. Средства окказионального преобразования фразеологических единиц как система элементарных приемов // Лингвистические исследования. М., 1973.
Щерба Л.Б. Современный русский литературный язык // Щерба Л.Б. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.